



# ЖИЗНЬ ЗА СЛОВО: РУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА МИХАИЛА МЕНЬШИКОВА

Книга, лежащая перед тобой, читатель, представляет сборник произведений великого мастера слова, Михаила Осиповича Меньшикова (1859–1918). Писателя, игравшего важную интеллектуальную роль в русском обществе начала XX столетия. Публициста, которого, без преувеличения, читала вся тогдашняя Россия.

Жанр его творчества составляет высшую сферу журналистики, поднимавшую сложные общественные вопросы национального бытия. Работая в «Новом времени», в одной из самых распространенных консервативных газет того времени, публицист М.О. Меньшиков вел свой многолетний доверительный разговор со значительной частью нации, до самой революции.

Его искусный и самобытный голос, периодически возвышавшийся на страницах знаменитого суворинского издания, для многих в русском обществе был тем незаменимым руководственным компасом, который делал их жизнь осмысленной, отвечая на те жизненные вопросы, которые читающая публика часто может глубоко бессознательно чувствовать, но не способна сама выразить, не обладая писательским даром.

Во многом именно публицисты, такие «артисты слова», как М.О. Меньшиков, литературно формулировали то глубинное национальное «я», которое изливали на страницах газетной и журнальной печати.

Желая узнать, чем дышало, о чем думало русское общество перед революцией, надо прежде всего читать наиболее ярких публицистов того времени, бывших настоящим голосом нации.

Многолетняя эпопея «Писем к ближним» М.О. Меньшикова — величественный публицистический слепок с общественной жизни тогдашней Российской Империи.

## Публицистика как искусство

Публицистика для М.О. Меньшикова была словесным выражением самой жизни. Тем высоким искусством слова, которое вбирает в себя одновременно самые различные составляющие — от религии и науки до политики и философии.

Лучшие мастера этого жанра русской словесности столь же значимы для русской культуры, как и великие художественные писатели. «Хорошие публицисты так же редки, как и хорошие беллетристы... — писал Михаил Меньшиков, — Подобно великим художникам, великие публицисты берут временное для выражения вечного, они влагают в свои труды, посвященные тому или иному случаю, свое постоянное, навсегда отлившееся, высокое понимание вещей... Публицистика — тоже ораторское искусство, только на расстоянии, красноречие не звуков, а чистой мысли... Необходим упорный труд, чтобы драгоценному существу таланта придать, как алмазу, лучезарность, свойство собирать свет в искры... Публицисту приходится — как хорошему поэту — следить, „чтобы словам было тесно, мысли — просторно“. В то время как беллетрист еще читается, хотя бы ему решительно нечего было сказать, от публициста всегда требуется содержание: если не новая мысль, составляющая всегда открытие, — то хоть дельное обобщение или интересный факт, тщательно отпрепарированный от связанных с ним событий. Привычка удерживать свое внимание на серьезном облагораживает мысль»<sup>1</sup>.

Но это не все... Публицист не только искусный писатель, но и активный гражданин. Гражданин всегда бодрствующий, окрыленный благородным желанием выяснить и рассказать своим согражданам правду. Публицистика для Михаила Меньшикова было особым гражданским служением обществу, которое он пронес до гробовой доски...

## Из моряков в публицисты, из радикалов в консерваторы

Жизненные перипетии Михаила Меньшикова вполне традиционны для русского общества второй половины XIX столетия. Родившись 23 сентября 1859 года в городе Новоржев, Псковской губернии, по отцу Михаил Осипович происходил из священнической семьи, а по

---

<sup>1</sup> Статья «Альпийские мотивы», 1902 год.

матери — из дворянской. В 1873 году, окончив Опочечкое уездное училище, он поступает в Кронштадтское морское техническое училище. После окончания училища М.О. Меньшиков становится флотским офицером (штурманом).

По собственным воспоминаниям, в молодости он был вполне революционно настроен. Таково было время, наполненное народовольческой пропагандой и перенесением религиозного ригоризма в политическую сферу.

От участия в революционной деятельности Михаила Меньшикова спасла служба. На его офицерскую долю выпало участие в нескольких дальних морских походах, и постепенно радикализм его первоначальных убеждений сменился умеренным толстовством, которое повлияло на его раннее творчество. О том толстовском периоде творчества Михаил Меньшиков писал: «Думаю, что под безотчетным влиянием этого мыслителя я написал свои лучшие статьи и книги».

В 1884 году он пишет книгу очерков «По портам Европы», как военно-морской гидрограф, составляет несколько гидрографическо-штурманских сочинений: «Руководство к чтению морских карт, русских и иностранных» (СПб., 1891) и «Лоция Абосских и восточной части Аландских шхер» (СПб., 1892). И постепенно, еще находясь на службе, втягивается в мир писательский. Флотский офицер сотрудничает в журнале «Неделя» (с середины 1880-х годов), где вскоре становится ведущим сотрудником.

Укрепив свой писательский дар в чине штабс-капитана, Михаил Меньшиков подает в 1892 году в отставку и всецело посвящает себя публицистике. В те годы под влиянием нравственных идей графа Л.Н. Толстого его публицистика носила весьма морализаторское направление. Статьи, печатавшиеся им в «Неделе», издавались отдельными книгами: «Думы о счастье» (СПб., 1899), «О писательстве» (СПб., 1899), «О любви» (СПб., 1899), «Критические очерки» (СПб., 1900), «Народные заступники» (СПб., 1900).

Сразу же после прекращения журнала «Неделя» (1901) знаменитый издатель и публицист А.С. Суворин (1834–1912) приглашает М.О. Меньшикова к сотрудничеству в своей газете «Новое время». И здесь талант М.О. Меньшикова раскрывается с еще большей самобытной цельностью и публицистической остротой в его «Письмах к ближним», печатавшихся по два-три в неделю, вплоть до весны 1917 года, когда его устранили из газеты, как слишком правого публициста...

## Первые годы у Суворина: становление консервативного звучания публицистики

Перейдя в издание А.С. Суворина, Михаил Меншиков получил значительно более широкую, общенациональную трибуну для своей публицистики. Трибуну менее литературную, но значительно более заостренную политически. Именно в «Новом времени» писательское искусство Михаила Осиповича приобрело уникальное звучание, во многом ставшее национальным голосом русского общества.

Тематически значительно расширился публицистический кругозор. Газетные выступления Михаила Меншикова приобрели удивительное разнообразие — от вопросов образования и воспитания молодежи до вопросов войны и философии национального духа.

В те годы, начала нового века, господствовавший либеральный дух, своей пропагандой влияя на доверчивую молодежь, подготовил почву для недовольства и активно взращивал революционную смуту. Действуя на живое чувство, преобладающее в молодости над рассудком, пленяя идеалами справедливости, свободы, равенства и братства, адвокатско-профессорско-преподавательский интеллигентский корпус возбуждал в юношестве неугасимый огонь желания наибо́льшего достижения целей своих новоприобретенных революционных идеалов. Невозможность быстрой реализации своих политических, слабо осознанных идеалов толкала молодых в крайние политические течения — с их терроризмом, экспроприациями и открытыми вооруженными бунтами.

Но и сами либералы, выходя из университетов и адвокатских контор на поприще государственной политики, в силу своей сугубо теоретической политической подготовки, становились самыми злостными антигосударственниками. Деятельные мечтатели на практике становятся самыми опасными политиками; для них нет ничего из своих политических мечтаний, что бы невозможно было осуществить на практике...

В молодые годы, Михаил Меншиков, сам попавший под влияние революционной среды, хорошо понимал, что «поклонение пред молодежью» не приведет ни к чему хорошему.

«Молодежь всего легче поддается внушению, — утверждал Михаил Меншиков, — она восприимчива к чему угодно. И когда толпа молодежи слышит лесть, когда старые хитрецы смиренно склоняют пред нею общественные знамена, молодежь и в самом деле думает, что она много значит. На самом же деле теперь, сейчас она ничего не значит, как ничего не значат молодые всходы, пока они не созрели. Молодежи принадлежит будущее,

как старикам — настоящее, и, право, такой дележ отвечает самой элементарной честности»<sup>2</sup>.

Быть может, именно с этих текстов, посвященных скороспелой молодежи, и начинается настоящий консерватизм Михаила Меньшикова. Консерватизм зрелый, антиреволюционный и мировоззренчески охранительный.

Продолжая свое размышление, он разумно указывал на то, что люди высокого духа, как «дорогое вино», особенно раскрываются в старости: «Для людей нормальных старость есть не только трата сил, но и накопление усилий, накопление искусства жить... Многовековой опыт очень разборчивых народов научил, что хорошая старость и мудрость — синонимы, что старчество — живая высшая школа, носитель гения всей породы... По всей справедливости именно старикам, вынесшим на плечах всю работу своего века, принадлежит первое место в жизни. Старики представляют собою естественный отбор; в общем они умнее и даровитее молодежи. Последняя, будучи не просеяна и не провеяна жизнью, должна оставить позади себя много слабых, глупых, распущенных, изуродованных особей, прежде чем заявит свое право на власть в обществе... Я сказал бы молодежи: — Пока вы молодежь, вы — ничто, как едва поднявшиеся колосья без зерен — еще только солома, а не хлеб. Вся ценность молодости обнаружится лишь в зрелых людях и стариках. Не спешите же кричать о своем достоинстве; сначала докажите его, а для этого нужна долгая жизнь»<sup>3</sup>.

Тогда же в публицистике Михаила Меньшикова появляется тема военной опасности для России со стороны Запада, переходящая порой в пророческое предвидение.

«Вдумайтесь в нашу культурную связь с Западом, вы увидите, что она обходится России недешево, что она едва ли возвращает народу то, что берет с него. И все-таки добровольно разорвать эту разорительную связь мы не в силах. Европа — наш очаровательный порок, мы оправдываем его всеми силами души, мы ищем и придумываем тысячи выгод, будто бы извлекаемых нами из общения с Европой, мы — чтобы отстоять это общение — не задумаемся поставить на карту имущество народа, его человеческое достоинство, его независимость. Но помимо наших желаний мир, кажется, идет к тому, чтобы вырвать нас из объятий Запада или по крайней мере сильно их ослабить»<sup>4</sup>...

---

<sup>2</sup> Статья «Образованность и ученость», 1902 год.

<sup>3</sup> Статья «Образованность и ученость», 1902 год.

<sup>4</sup> Статья «На ту же тему», 1902 год.

Он выводил целую схему, периодическую систему иноплеменных нашествий, для русской истории: «В начале каждого века на нас непременно двигаются супостаты. Вспомните одни западные нашествия. В начале XV века — Витовт. В начале XVI — Константин Острожский, в начале XVII — Сигизмунд, в начале XVIII — Карл XII, в начале XIX — Наполеон. Если и в XX веке этот закон не потеряет действия, то очень скоро, в ближайшее десятилетие, мы испытаем новый «девятый вал» с Запада»<sup>5</sup>.

В эти годы, Михаил Осипович окончательно преодолевает мировоззренческое влияние толстовства и уже не готов идти за анархистским морализаторством Льва Толстого против самой человеческой природы и того Промысла, «который таинственным образом, непрерывною работою добра и зла, дает жизни торжество над смертью»<sup>6</sup>.

Русско-японская война 1904–1905 годов вызывает у Михаила Меншикова всплеск гражданских чувств, искреннего переживания за судьбы Отечества: «Я не говорю, что у нас, в русском обществе, погас патриотизм; но, мне кажется, он у нас опасно понижен, особенно в мирное время. Нужен был гром войны, чтобы разбудить наше сознание. Нужен призрак гибели, чтобы шевельнулась острая жалость к родной, столь многими презираемой и почти забытой матери России... Не очевидно ли теперь, что государственное бытие надо отстаивать не на одних полях маньчжурских, но и в ста миллионах точек страны, на каждом „посту“, как бы он ни был незаметен и далек от боя?...»<sup>7</sup>.

## Расцвет творчества

Революция 1905–1907 годов стала настоящим бедствием для России. То чувство собственности в отношении нашей исторической и национальной славы, которое М.О. Меншиков называл «царственным», было как бы приглушено. Столь глубоко свойственные нам ощущения победы и одоления трудностей странным образом находились в небрежении, в заброшенной некультивируемости. Нация была столь зашугана всевозможными общечеловеческими и демократическими ценностями, интернационализмами, политкорректностями и прочими атрибутами

---

<sup>5</sup> Статья «Среди тьмы египетской», 1903 год.

<sup>6</sup> Статья «Лев Толстой, Менделеев, Верещагин», 1904 год.

<sup>7</sup> Статья «Внутренняя оборона», 1904 год.

гражданских «свобод», что боялась своих собственных размеров, своего лица, своего места в мире. Русский человек, как великан в одеждах карлика, боялся пошевелиться, чтобы публично «не оскорбить» окружающих своими богатырским телосложением, чтобы не испугать кого или не обидеть своим полновесным присутствием.

«Чувство победы и одоления, — утверждал М.О. Меньшиков, — чувство господства на своей земле годилось вовсе не для кровавых только битв. Отвага нужна для всякого честного труда. Все самое дорогое, что есть в борьбе с природой, все блистательное в науке, искусствах, мудрости и вере народной — все движется именно героизмом сердца. Всякий прогресс, всякое открытие сродни откровению, и всякое совершенство есть победа. Только народ, привыкший к битвам, насыщенный инстинктом торжества над препятствиями, способен на что-нибудь великое. Если нет в народе чувства господства, нет и гения. Падает благородная гордость — и человек становится из повелителя рабом... Мы в плену у рабских, недостойных, морально-ничтожных влияний, и именно отсюда наша нищета и непостижимая у богатырского народа слабость»<sup>8</sup>.

М.О. Меньшиков придавал огромное общественное значение публицистике, ее мощи и ее возможностям влиять на умы людей. Называя публицистику искусством, он настаивал на необходимости для любого народа иметь хорошую публицистику, упадок которой мог бы отразиться наиболее печально на сознании граждан. Считая ветхозаветных пророков первыми публицистами, М.О. Меньшиков явился в своей публицистике, в отношении судьбы России, также настоящим пророком. «России, — писал он, — как и огромному большинству ее соседей, вероятнее всего, придется пережить процесс, какой Иегова применил к развращенным евреям, вышедшим из плена. Никто из вышедших из Египта не вошел в обетованный Ханаан. Развращенное и порочное поколение сплошь вымерло. В новую жизнь вступило свежее, восстановленное в первобытных условиях пустыни, менее грешное поколение».

Разве это не предсказание революции и дальнейшего нашего блуждания в поисках нашего Ханаана — возрожденной России?

В русской консервативной политической литературе можно выделить два рода писателей, одни из которых более чувствовали народность, а другие — государство. В русской литературе часто тот, кто чувствует нацию, не особенно чувствует государственность. И.С. Аксаков и вообще славянофилы — безусловно националисты, или протонационалисты.

---

<sup>8</sup> Статья «Россия — прежде всего», 1907 год.



М.Н. Катков почти не писал об идее нации, Л.А. Тихомиров писал о нации, но в контексте государственности. Есть как бы две взаимопереплетающиеся политические школы в русской публицистике. Одна говорила о нации, другая о государстве. Между этими двумя группами нет антагонизма, а есть лишь призванность одних к рассуждению о нации, а других — о государстве. Одни лучше чувствовали и могли глубже рассуждать о государстве, а другие о нации. Талант одних более располагал к изучению государственности, талант же других — к пониманию народности.

М.О. Меньшиков в таком делении, безусловно, имеет большее отношение к философии нации. Он считал, что именно народность — наиболее угрожаемый пункт в обороне Отечества.

Консервативное сознание в его публицистике проявлялось в культивировании чувства вечного, которое в его время было подавлено борьбой между старым и новым. М.О. Меньшиков очень плодovit, и в его статьях, к сожалению, можно найти немало спорного или скороспелого, в чересчур смелых обобщениях.

Самым интересным у М.О. Меньшикова всегда были рассуждения о национальных проблемах, о русском национализме. Его национализм — это национализм не агрессивный, национализм не захвата или насилия, а, как он выражался, национализм честного разграничения. Разграничения одних наций от других, при котором только и возможны хорошие отношения между нациями. Его национализм не собирался никого уничтожить, как это неоднократно ему приписывали различные недоброжелатели. Он лишь собирался оборонять свою нацию — действие совершенно законное и нравственно должное.

Многие темы брались им штурмом, который не всегда был теоретически и фактически верным, оставаясь, однако, всегда талантливым по форме и всегда энергичным. Много горького говорил он в адрес русского народа и его истории, но делал это всегда искренне. Это тот случай, когда критика идет от лица любящего Родину, а не от безразличного критикана и русофоба.

Писательство всегда было для него подвигом, оно в конечном итоге, стоило ему жизни. При жизни же было наполнено всевозможной на него клеветой и угрозами — поэтому к его словам надо относиться серьезно и с пониманием. Сам Михаил Меньшиков хорошо понимал всю опасность своего публицистического пути, сталкиваясь на нем даже с покушениями на свою жизнь. «В таком серьезном и страшном деле, — писал он, — как политическая борьба, обращать внимание на раздраженные

укоры врагов было бы так же странно, как солдату ждать из неприятельских окопов конфеты вместо пуль».

В сложные годы революции 1905 года, и в последующие годы политической борьбы, его ободряющее публицистическое слово было во многом голосом самой русской нации.

Не участвуя напрямую в партийной политической борьбе, М.О. Меньшиков однако был главным идеологом Всероссийского национального союза, детища председателя Совета Министров Российской Империи Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911).

Всероссийский национальный союз не был рожден революционными событиями 1905 года, как большинство правомонархических организаций (кроме Русского собрания), а явился продуктом относительно мирной жизни. Особую роль в прояснении идеологии Союза сыграли публицистические выступления М.О. Меньшикова в «Новом времени», который посвятил не один десяток статей подготовке создания ВНС и разработке его идеологии. Всероссийский национальный союз был образован в Санкт-Петербурге весной-летом 1908 года. В Союз вошли умеренно-правые элементы образованного русского общества: национально настроенные профессора, военные в отставке, чиновники, публицисты, священнослужители. Членами Всероссийского национального союза были многие известные ученые, такие как профессор Павел Николаевич Ардашев, Петр Яковлевич Армашевский, Петр Евгеньевич Казанский, Павел Иванович Ковалевский, Платон Андреевич Кулаковский, Николай Осипович Куплеваский, Иван Алексеевич Сикорский и другие.

По уставу союза, целями его были:

- единство и нераздельность Российской Империи;
- ограждение во всех ее частях господства русской народности;
- укрепление сознания русского народного единства и упрочение русской государственности на началах самодержавной власти Царя в единении с законодательным народным представительством.

Главную задачу Всероссийского национального союза М.О. Меньшиков видел в том, «чтобы национализировать парламент, а через него — и всю страну».

В целом большинство членов Всероссийского национального союза были искренними патриотами Империи, многие из которых засвидетельствовали это не только своей жизнью, но и своей мученической смертью...

Февральская революционная смута 1917 года закрыла газету «Новое время» и оставила М.О. Меньшикова без любимого дела. Октябрь же не дал М.О. Меньшикову прожить и года под своей властью.

Враги не простили М.О. Меньшикову ничего из его деятельности — ни искреннего патриотизма, ни талантливой публицистики, ни обличения неправды и изуверства...

Он был арестован на Валдае 19 сентября 1918 года. А уже на следующий день, 20 сентября, без суда и следствия, он был расстрелян. Организаторами и исполнителями расстрела были чекисты Якобсон, Давидсон, Гильфонг и комиссар Губа.

Но идеи бессмертны и не теряют творческой силы после смерти своих носителей. После смерти М.О. Меньшикова осталась великая публицистика, которая постепенно возвращается к отечественному читателю.

*Михаил Смолин*

*1902*